

НОВЫЕ СТАНСЫ К АВГУСТЕ

М. Б.

1

Во вторник начался сентябрь.
Дождь лил всю ночь.
Все птицы улетели прочь.
Лишь я так одинок и храбр,
что даже не смотрел им вслед.
Пустынный небосвод разрушен,
дождь стягивает просвет.
Мне юг не нужен.

2

Здесь, захороненный живьем,
я в сумерках брожу жнивьем,
сапог мой разрывает поле,
бушует надо мной четверг,
но срезанные стебли лезут вверх,
почти не ощущая боли.
И прутья верб,
вонзая розоватый мыс
в болото, где снята охрана,
бормочут, опрокидывая вниз
гнездо жулана.

3

Стучи и хлюпай, пузыришь, шурши.
Я шаг свой не убыстрою.
Известную тебе лишь искру
гаши, туши.
Замерзшую ладонь прижав к бедру,
бреду я от бугра к бугру,
без памяти, с одним каким-то звуком,
подошвой по камням стучу.
Склоняясь к темному ручью,
гляжу с испугом.

4

Что ж, пусть легла бессмысленности тень
 в моих глазах, и пусть впиталась сырость
 мне в бороду, и кепка — набекрень —
 венчая этот сумрак, отразилась
 как та черта, которую душе
 не перейти —
 я не стремлюсь уже
 за козырек, за пуговку, за ворот,
 за свой сапог, за свой рукав.
 Лишь сердце вдруг забьется, отыскав,
 что где-то я пропорот: холод
 трясет его, мне в грудь попал.

5

Бормочет предо мной вода,
 и тянется мороз в прореху рта.
 Иначе и не вымолвить: чем может
 быть не лицо, а место, где обрыв
 произошел?
 И смех мой крив,
 и сумрачную гать тревожит.
 И крошит тьму дождя порыв.
 И образ мой второй, как человек,
 бежит от красноватых век,
 подскакивает на волне
 под соснами, потом — под ивняками,
 мешается с другими двойниками,
 как никогда не затеряться мне.

6

Стучи и хлюпай, жуй подгнивший мост.
 Пусть хляби, окружив погост,
 высасывают краску крестовины.
 Но даже этак кончикам травы
 болоту не прибавить синевы...
 Топчи овины,
 бушуй среди густой еще листвы,
 вторгайся по корням в глубины!

И там, в земле, как здесь, в моей груди,
всех мертвецов и призраков буди,
и пусть они бегут, срезая угол,
по жниву к опустевшим деревьям
и машут налетевшим дням,
как шляпы пугал!

7

Здесь, на холмах, среди пустых небес,
среди дорог, ведущих только в лес,
жизнь отступает от самой себя
и смотрит с изумлением на формы,
шумящие вокруг. И корни
вцепляются в сапог, сопя,
и гаснут все огни в селе.
И вот бреду я по ничьей земле
и у Небытия прошу аренду,
и ветер рвет из рук моих тепло,
и плещет надо мной водой дупло,
и скручивает грязь тропинки ленту.

8

Да, здесь как будто вправду нет меня,
я где-то в стороне, за бортом.
Топорщится и лезет вверх стерня,
как волосы на теле мертвом,
и над гнездом, в траве простертом,
вскипает муравьев возня.
Природа расправляется с былым,
как водится. Но лик ее при этом —
пусть залитый закатным светом —
невольюно делается злым.
И всею пятернею чувств — пятью —
отталкиваюсь я от леса:
нет, Господи! в глазах завеса,
и я не превращусь в судью.
А если на беду свою
я с прихотью моей не слажу,
Ты, Боже, отруби ладонь мою,
как финн за кражу.

Друг Полидевк, тут все слилось в пятно.
 Из уст моих не вырвется стенанье.
 Вот я стою в распахнутом пальто,
 и мир течет в глаза сквозь решето,
 сквозь решето непониманья.
 Я глуховат. Я, Боже, слеповат.
 Не слышу слов, и ровно в двадцать ватт
 горит луна. Пусть так. По небесам
 я курс не проложу меж звезд и капель.
 Пусть эхо тут разносит по лесам
 не песнь, а кашель.

10

Сентябрь. Ночь. Все общество — свеча.
 Но тень еще глядит из-за плеча
 в мои листы и роется в корнях
 оборванных. И призрак твой в сенях
 шуршит и булькает водою
 и улыбается звездой
 в распахнутых рывком дверях.

Темнеет надо мною свет.
 Вода затягивает след.

11

Да, сердце рвется все сильнее к тебе,
 и оттого оно — все дальше.
 И в голосе моем все больше фальши.
 Но ты ее сочти за долг судьбе,
 за долг судьбе, не требующей крови
 и жалящей иглой тупой.
 А если ты улыбку ждешь — постой!
 Я улыбнусь. Улыбка над собой
 могильной долговечней кровли
 и легче дыма над печной трубой.

12

Эвтерпа, ты? Куда зашел я, а?
 И что здесь подо мной: вода? трава?
 отросток лиры вересковой,

изогнутый такой подковой,
что счастье чудится,
такой, что, может быть,
как перейти на иноходь с галопа
так быстро и дыхания не сбить,
не ведаешь ни ты, ни Каллиопа.

1964